

246.

газеты „Пролетарий“ — орган ВУСПС

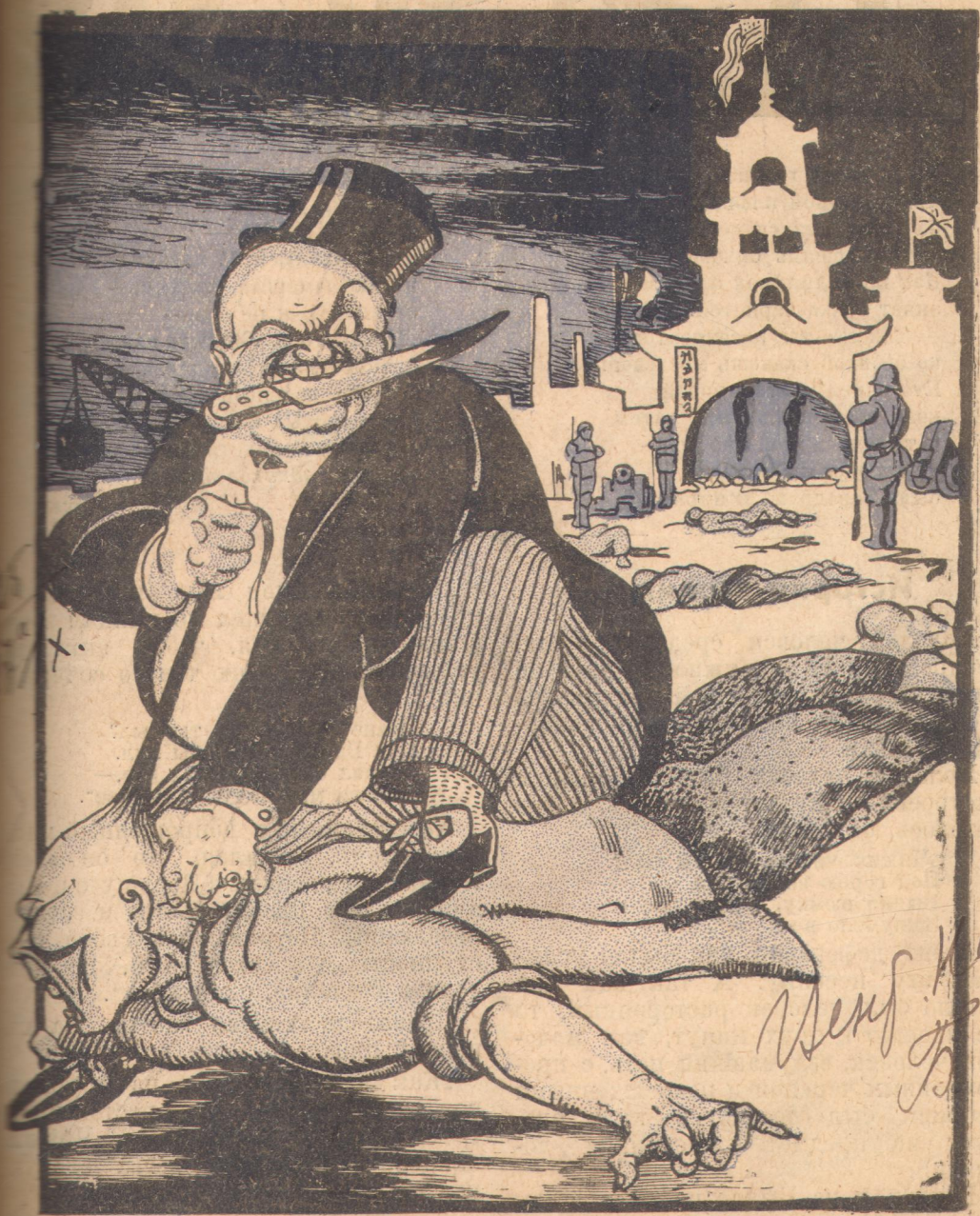
1934

№ 11.

ТАВРИЛО

ЕВРОПЕЕЦ В КИТАЕ.

K.6246.

Учен. Карт. - 4.
- ка.

Внедрение европейской цивилизации в Китае.

„Медный всадник“.

Из за угла, где палисадник
увит оградой плющевой,
на бочке мчится медный всадник,
стегая лошадь бичевой.
Как крокодил, как аллигатор
зияет бочка чернотой.
— Так это ты, ассенизатор—
по звонкой скачешь мостовой!
Кто видел?!—этою порой
кварталы оглащались матом
у тысячи людей—не зря—
от городского аромата
была разодрана ноздря.

Я—атеист. Но—удивленье
я—вдруг уверовал. И вот,
когда 11 пробьет—
я—становлюся на колени
и тихо шморгая,—молюсь—
не адонаю и не бозе—
„Молю, тебя, Гороткомхозе,
я, может, завтра удавлюсь—
в тоске, недоле и досаде...
Но—молодых потомков ради
избавь, молю, хотя бы их—
от этих запахов ночных.

Эска.

История чижика.

Молодой человек среднего роста, неопределенной наружности шел по улице Варшавы, слегка пошатываясь и одобрительно похлопывая по фонарным столбам.

Молодой человек был в хорошем настроении. Ему хотелось петь. А раз хотелось, он запел.

„Чижик, чижик, где ты был?
Под горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две,—
Зашумело в голове“.

Агент дефензивы пан Быдло услышал эту песенку. А так как пан Быдло был человек расторопный, то не прошло и двух минут, как молодой человек, вздумавший петь, с проломленным черепом и поврежденными ребрами был доставлен куда следует на предмет дальнейших дознаний.

Рапорт пана Быдло по начальству гласил:

„Какой-то хлоп явно московского происхождения шел по улицам Варшавы и про себя, чтобы никто не услышал, пел песню такого содержания:

„Пане Чижик, где ты был?
Под Варшавой бомбы лил.
Сделал бомбу, сделал две,—
Деньги мне дадут в Москве“.

Арестованный и допрошенный мной преступник, сознался, что он агент Коминтерна, послан в Польшу с целью взорвать все правительство и затеять революцию. Потрясенный своей преступностью, арестованный, не приходя в сознание, скончался“.

Правительственная газета „За независность“ писала:

„Как нам сообщают из достоверного источника, у арестованного третьего дня коммуниста Чижика найдено письмо Зиновьева следующего содержания:

Товарищ Чижик!

Доброкачественная отравка.

За последнее время участились случаи отравления недоброкачественными и поддельными продуктами.

Из хроники.

В бакалейную лавочку Елпидора Козолупова („продажа кнудей, хомудей и протчих питей“) бочком протиснулся покупатель и, протянув носом местный воздух, удивленно чихнул.

— На доброе здоровьечко!—любезно осклабился Козолупов,—сто лет жить да еще двести с хвостиком.

Покупатель тоскливо махнул рукой.

— Чорта лысого. Теперь проживешь сто лет! Как же, держи карман шире! Нынче вон пишут, народ скрозь пищей травится. Удержу нет. Сегодня, скажем, ты кушанье покушал, а завтра ты, скажем, уже не пьешь, не ешь и даже не дышешь. Какю тебе навеки.

На лбу у покупателя выступила испарина.

— Я вот тоже... К вам за с'естным пришландал, позавтракать захотелось, а у меня, может, жена, дети и теща в гости приехала. Но я отчаянный и есть мне не хочется, имейте в виду...

— Ну, уж это вы за напрасно,—обиделся Козолупов,—мы-с отраву не держим, у нас не аптека—с. У нас-с ежедневно свежий товар-с, высший сорт А, так скать... Возьмем, к примеру, колбасу... Не желаете ли самолочно убедиться, что она ничуть не отравленная? Ешьте,—за пробу денег не берем.

— Нет, спасибо, я сыт,—заерзал покупатель,—вы уж лучше на собачке испробуйте. Вон собачка бежит. Годная может...

— Ге,—сказал Козолупов,—сдохнет, думаете? Ге! Еще спасибо скажет, сукина дочь... Цуцик, цуцик, на, на.

Облезлая бродячая собака боязливо понюхала колбасу, плюнула на нее, пронзительно взвизгнув, помчалась во все четыре, будто за ней гнался „лицель“ с арканом.

Козолупов проводил ее завистливым взглядом.

— Сытая, собачье мясо!.. Сытные нынче собаки пошли. С чего бы это? Гладкие, как стервы!.. Прикажете-с звунтик?

— Чего? Собаки то?..

— Живых не держим... Я насчет колбасы-с.

Несчастливого покупателя скарежило.

— Ах, не беспокойтесь за колбасу... у меня, знаете-ли, наследственность. Дед мой колбас не ел, отец не ел и я не долюбиваю. Ну ее...

— Ну, тогда, может рыбку потребляете. Завернуть тараночку? Свежина, антик! Даром, что сухая, а пусти ее, каналью, в Лопань—поплывет. Многие купляют, и никто, представьте, не жаловался, что отравился до смерти.

— Рыбки мне нельзя... У меня тово... водобоязнь... Доктора не велят: не ешь, говорят, а то тошно станет.

— В таком разе — мороженое... Пока можим предложить... Да не нюхайте—хорошее мороженое, холодное...

— И... без микробов?

— Этого не заметно-с... Ежели боитесь мороженого, возьмите вот клубнички для лакомства. Ягода без микробов, будьте покойны, не отравитесь. Я ее каждый час карболкой брызгаю. Санитарной комиссии боюсь.

— А мм... мм...,—промнчал покупатель,—а мм... молоко у вас есть?

— К несчастному сожалению, нету. Не выгодно держать. Потому—строительный сезон в моде. Ну, мел, известно, вздорюжал, известка опять же... Не могу же я, сами понимаете, ничем невзболтанную водичку за молоко выдавать? У меня фирма без абману и, во-вторых—не пейте сырой воды!.. Пойдите. Куда же вы? Гражданин, на минуточку. Нет... Гр-г-гражданин. Специально для вас имеются мягкие сдобные булочки... Довоенной выпечки-с!

Покупатель остановился, оглянулся назад и умер от разрыва сердца.

Михей.

ПЕРВЫЙ (читает). Земельный вопрос надо разбирать в плоскости...
ВТОРОЙ. Шшь ты... в плоскости... Уже не в сельсовете, значит?

Степаныч в доме отдыха.

Степаныч мрачно говорил в завкоме:

— Не надо мне вашего отдыха! Я тридцать лет работаю на производстве и не отдыхаю. Пусть молодые, которые с легкими мыслями, отдыхают, а нам надо производительность поднимать.

— В том то и дело,—отвечал секретарь,— что отдых мы, между прочим, вводим и для поднятия производительности. Наберешься сил, и тогда работа пойдет лучше...

Уговорили.

Мрачно Степаныч сел в поезд и всю дорогу тяжелое настроение не покидало его.

По прибытии на место, он равнодушно сплюнул и начал крутить цыгарку. Восхищение товарищей природой было ему дико и непонятно.

— Чего гогочете? Реки и деревья не видали?

— Да ты оглянись, Степаныч, красота то какая! Какой воздух!

— Во-о-здух!—передразнил Степаныч.—А дома разве воздуху нет? Тот выдумают...

В доме отдыха многое не понравилось Степанычу.

— Срам какой! У меня уже, может сказать, внуки есть, а мне няню представили. Что я—дите малое? Да я маленьким без няни рос. Няня нашего брату не полагается. Буржуазный предрассудок!

А принятие пищи по звонку совсем его возмутило.

— Что за насилие над личностью! 4 раза в день ешь, и все по часам! Доктор так и сказал:—„хочешь, не хочешь, а ешь, запихивай насильно, потому желудок каждые 3 часа освобож-

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА.

Выступивший с грубыми нападками против СССР, австрийский министр Матайя заявил, что его рассуждения носили чисто теоретический характер.

ШВЕЙЦАР. То-то... Теория при нем осталась, а с практикой мне возиться приходится.

дается от пищи"... А ежели мне не требуется, чтоб желудок освобождался?

Обязательные солнечные ванны, рекомендованные врачом лицам со слабыми легкими, тоже не по душе ему были.

— Оно, положим, верно: легкие у меня слабоватые, кашель спать не дает. Но солнце то к чему? Ежели на предмет потения, то потеть я могу и без солнца, дома. На то и малина есть. А так только кожу зря попалишь. Может, еще лунные ванны пропишут?

И наконец, так называемый, послеобеденный „мертвый час“ вывел его из себя.

— Где это видано, чтобы живому человеку да мертвый час? Лежи, не шевелись и ни слова не говори. Рот затыкают! Чисто каторжный режим!

Однако „каторжный“ режим сделал свое. Через неделю Степаныч стал замечать, что в нем произошла какая то перемена: во всем теле чувствовалась легкость, кожа потемнела, мускулы окрепли и аппетит появился такой, что 4 раза в день принимать пищу было мало. И порции уже не удовлетворяли его.

Задолго до звонка Степаныча можно было видеть дежурящим у столовой. И чего они не звонят? Время как

будто пришло уж, а они тянут. Привыкли издеваться над нашим братом.

— Так вы же, товарищ, — отвечал кто нибудь из администрации, — всего 2 часа как второй завтрак съели. Отдохните немного. Ваши калории так или иначе вы получите.

— Не надо мне вашего отдыха, — бормотал Степаныч. — Нашему брату отдых ни к чему. А что касается калорий, то это вы зря. Меня калориями не накормишь. Мне подай, что полагается. И край...

Через две недели отдых кончился. Уезжал Степаныч в конец расстроенный.

— Как я теперь жене на глаза покажусь? Почернел, вроде негра, рубашка узковата стала и на шее не застегнешь никак. Хоть новую шей. Ну и отдых!

Н. Туз.

ХОДНАЯ ВЕЩЬ.

— Вот извольте — ходкий материал. По всем редакциям ходит уже полгода, и все назад возвращается.

КРОВЬ, КРОВЬ, КРОВЬ...

Восток —
У революционного кратера,
Европа —
На пороховой бочке...
Убито пятнадцать, повешено пятеро,
Полиция стреляла в рабочих.
Румынская сигуранца
Охотится на повстанца:
Черная, черная мгла,
Выстрел из-за угла:
— Бум-трах!..
Жуть, страх.
Оправдание? Пожалте! —
Обратятся к излюбленному средству:
«Убит при попытке к бегству».

Знаете такого
Господина Цанкова, —
Почтенного висельника и палача.
— «Голову с плеча!», —
Голову с плеча!
Изловить и повесить!
Изловить и повесить!..
Обуяла Цанкова кровавая несеть.
— Ох, боюсь — говорит, — что не хватит
лесов,
Где повешу тогда я своих мужиков? —
Да, пожалуй, не хватит берез и сосны

Для повешенья... целой страны.
Скоро, скоро охранники
Разбегутся, как мыши, в сремительной панике.
Поднимутся все, как один, мужики,
Сольются в стальные полки,
И...
Найдется еще два свободных столба с перекладной
Для расправы с кровавою гадиной!

Читали
Про сына туманного Альбиона¹⁾,
Страдающего несварением от изысканной
сыт.

Сухопарого мистера Джона,
Банкира с лондонского Сити²⁾?
Мистер Джон снял с камина китайский
болванчик.

Мистер Джон отменил «файф-о-клок», —
Как тут выпьешь чаю стаканчик,
Если чай на Китай нарек?
Моноклем и страхом расширенное око,
Сверлит башку горькая дума,
Дует ветер с Востока. —
Кипятковое дыханье самума!

¹⁾ Англия.

²⁾ Часть Лондона, населенная крупнейшей буржуазией.

Хо-хо! Мистер Джон не выходит из ватера,
Он забился туда, как кобель в подворотне.

Убито пятнадцать, расстреляно пятеро,
А завтра может быть—сотни.

Утешительно, мистер, не правда-ли?—

Гора человеческой падали!

Это в Шанхае— по вашему приказу—

Уничтожают „красную заразу“

Десятки морских смертоносных посуд...

— Мистер Джон, вы спокойны за броней
крейсеров,

Но знайте, что кроме военных судов

Есть еще и... народный карающий суд!

* * *

Европейская биржа кипучей ключей,

Под пятой

Американских заимодавцев!

Большой спрос

На социал-палачей,

Предложения

От социал-мерзавцев.

Не угодно ли, почтеннейший,

Не хотите-ль, господин,

Вот такого-сякого-разэтакого:

Еще не ушел ни один

От его выстрела меткого.

Измумительная ловкость рук!

Желаете парочку мук?

До потери сознания

На предмет признанья:

Ежели взять мокрую резину,
Да резиной искровавить спину,

Да вывихнуть три сустава,

Да вырвать клещами язык—

Кто ж не признается, право,

Что он не большевик?!

О, сволочь! Дождешься ты мести казен-
ного...

Эх, туда б

Эскадрончик Буденного:

— По ко-о-оням! Даешь!—

Раздавили б, как вошь,

Пулеметным дождем...

Смыли б кровь миллионов, ненавистную
гнидам...

Ничего—подождем,

Увидим!

* * *

Восток—

У революционного кратера,

Европа—

На пороховой бочке...

Убито пятнадцать, повешено пятеро,

Полиция стреляла в рабочих,

Миллионы в застенках,

Миллионы закованных—

Солнца луч не проникнет в ниши те.

Слышите,

Слышите стоны их,

Товарищи, братья,—слышите?!!

Михей Сазонов.

„Лицом к деревне“.

Некоторые учрежде-
ния, встречая крестьян
вежливо и предупреди-
тельно, не уничтожили
чиновничьей волокиты.

— Ваша фамилия?

— Остапчук.

— Крестьянин?

— Крестьянин.

— Очень рад... Очень. Садитесь, пожа-
луйста.

— Нам бы насчет...

— Садитесь!

— Постоим... Нам ничего... Мы того...

— Садитесь!! Чего человека подводите?

Вам то может быть и ничего, а у нас ло-
зунг «лицом к деревне». Войдет секретарь,

и вам попадет, а мне. Садитесь. Прямо

садитесь, зачем боком сели?..

— Нам бы справочку... Нам бы узнать...

— Можно и справочку... Заявления

записали? Гербовую марочку приклеили?

— Нам бы узнать, где...

— Без марочки, товарищ нельзя. При-

дитеся вас за разрешением в семнадцатую

обратиться.

—

— Здравствуйте. Садитесь. Как пожи-

ваете?

— Живем. Нам бы...

— Супруга как-с? Детки-с?

— Ничего, здоровы. Нам бы узнать где...

— Здоровье семьи залог крестьянского

благополучия. Закуривайте.

— Не курящие мы... Нам бы...

— Закуривайте. Не ровен час секретарь,
почему скажет папирос не предлагаете.

Вот так-с. Славенький табачок. Для кре-
стьян держим. Заботимся.

— Нам бы справочку... Заявление, гово-
рят нужно... Марку там...

— Марки в тридцать шестой. В тридцать
шестую пожалуйста.

— Тридцать шестая, что ли ча?

— Тридцать шестая. Чего без доклада
ле-е... ммм... да... Садитесь.

— Сидели мы.

— Садитесь и закуривайте.

— Мы уж того... Мы уж закуривали...

Нам бы... Водички бы нам... Мутит чивой то...

— Эй, кто там, принесите гражданину

крестьянину воды. Вот так. Отлегло? Ма-

локровие у вас. Вам бы на курорт в Герма-

нию. Да-с. Германские врачи, должен я

вам сказать...

— Нам бы!

— Германские врачи самые знающие.

В прошлом году моя супруга...

— Нам бы узнать... Нам бы справочку...

— Справочки у нас Иван Иванович вы-
дает. Внимательный человек. В сорок пер-

вую пожалуйста... Или нет... В 51-ю. Впро-

чем... Знаете что, узнайте в тридцать седь-

мой, где Иван Иванович, там знают.

— Двенадцатая?

— Двенадцатая. Садитесь.

— Нам бы Ивана Ивановича.

— Иван Иванович в сорок первой...

— Были мы там... Про литературу слу-

шали. И в пятьдесят первой были... Там про

ВОТ И НЕ ВЕРЬ ПОСЛЕ ЭТОГО.

В сельских храмах очень часты драки между сторонниками старой и новой церкви.

— Вот заболело что-то внутри. Пошел помолиться и всю болезнь наружу вынесло.

матера... мателистическую понимание... Ослобони, милый человек, с утра хожу. жрать захотел... Укажи где этот самый Иван Иванович.

— А в сорок первой нет его?

— Нету.

— Тогда он у начальника. Да-с. А начальник сейчас занят. Тезисы „лицом к деревне“ пишет, вы уже завтра загляните. У нас для крестьян всегда двери настеж.

— Ну?

— Чего ну?

— Узнал, где седьмая комната?
— Поди ты узнай. Заявление, брат, нужно. Гербовую марку.

Де-Г

Праздничное.

Милиционер. Гражданин, вы на свежевывкрашенную скамью...

Пьяный. И ладно. Могу же я в моих средствах позволить себе это.

Не удалось.

Многие ловкие частные торговцы придают своим лавкам вид, сходный с кооперативами.

— Что это у меня за ноги чипляется? Только обувь портит.

Мания преследования.

Сэр Милитаристов возвращался домой. Было 3 часа ночи. С атлантического океана дул пронзительный ветер.

Выйдя на перекресток сэр Милитаристов, желая поправить поднятый воротник своего нарядного макинтоша, случайно взглянул на небо и остановился в испуге.

В небе разгоралось зарево далекого пожара.

— Горит где то,—подумал сэр Милитаристов,—подожгли, наверное подожгли.

Прыгая через лужи, изредка оглядываясь он начал на ходу размышлять.

— Это не небрежность... Это не поджог... Это они... Коммунисты...

И сердце у почтенного сэра беспокойно заняло в предчувствии чего то ужасного и неотвратимого.

И неотвратимое произошло.

У дома № 96 сэр Милитаристов неожиданно споткнулся о камень и разбил себе нос.

Было темно. Ближайший фонарь не горел и сэр Милитаристов сразу догадался в чем тут дело.

— Коммунисты... Нарочно потушили... Покушение.

Трясая от ужаса, он начал шарить в карманах зажигалку. Зажигалка не находилась.

— Коммунисты,—проленетал он, но тотчас же вспомнил, что зажигалка осталась в ресторане, на столике.

Ужасное подозрение, как вихрь пронеслось в голове сэра Милитаристова.

— Они. Нарочно напали. Зажигалка золотая с бриллиантами.

Сэр Милитаристов полез в карман с целью проверить наличие бумажника и обнаружил кроме бумажника наличие какой то тряпки и коробки со спичками.

Холодный пот выступил на висках у несчастного сэра.

— Вот он. Спички в пальто. И тряпка какая то, похожая на шелковой чулок. Чулок и есть. С подвязкой. Как дважды два коммунисты. Понимаю.

У ног испуганного сэра лежал здоровенный булыжник.

— Красный,—в ужас проленетал сэр, дотрагиваясь до своего носа. Коммунисты положили.

Ужас слепой, нерассуждающий охватил сэра. Он бросился бежать.

Наконец-то.

Его дом. Его квартира. Его неубранные пустынные комнаты, а на столе записка.

— Милый пупсик,—читал он,—я ухожу от тебя навсегда, прости если можешь твою неверную жену...

— Коммунисты,—вскрикнул сэр Милитаристов.—Они.

И, чувствуя как жизнь оставляет поношенное тело, ослупился на ковер, нелепо подогнув под себя ноги.

А. Г.

Поповская практика.

Спеваковский поп объявил себя специалистом по женским болезням. Поп имеет практику не только в своем селе, но и у жителей других сел.

(Черв. Хлебоборб).

Три деревни, два села.
В них „болезнью женскою“,
Поп колпачит до зела
Темень деревенскую.

Поп селян всех удивил.
Бают: в пору летнюю
Попадью он обновил
Девяностолетнюю.

Сколочу жене я гроб—
Будет нужен вскорости:
Пособил ей, значит, поп
В смысле женской хворости.

Ходит поп на-веселе.
Голова патлатая:
У попа-то на селе
Практика богатая.

Впрямь, от практики такой
Бадам легче дышится...
„Со святыми упокой!“—
Только чаще слышится.

НУМА.

„На законном основании“.

Характер у меня безусловно, можно сказать, справедливый вполне... Так что я со всеми законодательствами и законами-декретами, что печатаются, согласный вполне тоже.

Вот, примерно, с трамваем у меня был случай... Приказ у них такой есть насчет пливания: мол ежели тебе на трамвае плевать хотится,—штрафует, потому—нельзя...

Но натура человечья так уж с природного рождения устроена, что раз на тебе запрещение наложили, тебе уже непременно плевать захотится... И слюна из горла так и прет, как фонтан какой...

Что тут поделал? Не итти же мне, наскрозь законодательному человеку, насу-против трамвайных властей... Не так-ли?.. Сижу, всемерно воздерживаюсь.

Смотрю—рядом со мной баба, при ей корзинка, а в корзинке горшок, а что в горшке не разберешь: не то краска для полов, не то какая пищевая продукция.

А тут баба в окно на церковь заглядывает и крестное знамение сотворяет... Ну, думаю, раз ежели в тебе донныне религиозный опиум, дурман и божественный мрак присутствуют, так плевать мне на твою посуду... Пригнулся я к корзинке,—только губами шевельнул,—как выбьет из них слюна—полстакана, не меньше...

А тут позади финтифлюшка сидит, нос обсыпанный, рот обмазанный, глазница на выкате, на меня с птичьего полета смотрит все время.

— Как же, вам не стыдно, гражданин, так, поступать?..

А баба, как посмотрит, как взвизгнет, как забьется.

— Ах, ты, говорит, ирод, бандит проклятый, насильник, аферист, мошенник, вор! Что ж ты мне, разбойник, обед барина моего запаскудил?

И пошла и пошла... Кричит благим матом, весь трамвай на ноги подняла, меза в район, я нет... Народ к ей с сочувствием. Ну, думаю, раз так—я на законную позицию стану...

— Не надо, говорю, граждане, женщину будировать и мою личность дискредитировать. Я по натуре человек законный во всех смыслах и подчиняюсь властям. Как в районе припишут—я ихнюю резолюцию единогласно принимаю...

Пришли в район... К дежурному надзирателю моментально.

Так то, говорю и так то... товарищ начальник. Безусловно я плюнул... Не могу против этого возражать, но я считаю, что невиновен я абсолютно и заслуживаю позднейшего снисхождения...

А начальник, видать человек малоопытный.

— А вы, спрашивает, почему, товарищ, считаете, что вы невинный?..

Я, вынул свой членский билет профсоюза за № 3615 и подавая начальнику, говорю...

— Разрешите мне, товарищ начальник, высказаться по вышеуказанному вопросу.

— Прошу, говорит...—высказывайтесь по существу...

— „Безусловно, говорю по существу.. Не мог я трамвайным властям супротивляться и на трамвай плевать в то время, как приказ-декрет такую линию проведения запрещат... Тем более говорю, мне снисхождение полагается, что плюнул я в посуду в тот момент, когда баба себя крестным знаменем осеняла, и я, значат, одновременно с посредством моего поступка вел антирелигиозную агитационную пропаганду“...

Кончил я свою речь... Смотрю, она у начальника слово в слово записанная...

Стою, жду... Начальник все пишет... Баба вопрос-другой задает... Она молчит—с испугу ни звука... Жаль мне ее стало... А что, думаю, ежели эту несчастную старуху за ее бессознательность под статью подведут... Больно мне за нее стало... Хочу в ее пользу несколько слов сказать... Начальник не дает... Совестно мне стало, что я загубил невинную женщину. Смотрю на нее с сочувствием... потому слезы у ней текут...

— Итак, говорит, начальник, товарищ...—Подпишите протокол... На первый раз безусловно снисхождение... Вместо 25 рублей, только пять внести в кассу Губфинотдела...

— Не надо, говорю. Я ее прощаю... Бедная она женщина... Темная она...

Не она, а вы должны 5 рублей внести за нарушение обязательного постановления от 17-го августа пр. года... В 3-х дневный срок...

Конечно, я супротивляться не буду... Штраф то я внесу... Потому закон требует... Но я считаю все таки, что тут я невинно пострадавший получаюсь... Потому все могут подтвердить, что хотя я и плевал, но плевал на законном основании...

Я. М. Польский.

Загадочная картинка.

— Где находятся будущие растратчики казенных сумм?

Знаки препинания.

Он жил о лучшем мечтая
Запятая
 Имел полномочия
Двоеточие
 И пристрастие к азартной игре
Тире
 Зашел в уголок восхитительный
Знак вопросительный
 Шмен-де-фер, рулетка и прочее
Многоточие
 Казенные деньги упорхнули как птички
Кавычки
 Затем суд показательный
Знак восклицательный
 И на много лет одиночка
Точка

Дон-Кихот.

Из вашего сообщения явствует, что дело ваше подвигается. Посылаю вам еще сто злотых на международную революцию. Спешно рекомендуем вам организовать в Варшаве красную армию в количестве 3 миллионов человек и свергнуть ненавистное правительство польских панов.

С товарищеским приветом Зиновьев.

Примечание. Товарищу Пыжику, посланному в Болгарию для взрыва софиевского собора предписано быть с вами в постоянном контакте".

Болгарский премьер Цанков не задерживал отозваться. Арестовано 3456789, пыталось бежать" 45678908767895678, повешено 567879765443456.

В сейме был запрос.

В скупщине был запрос.

В палате общин и палате депутатов, в рейхстаге и в прочих парламентских свалочных местах был запрос.

Газеты шумели.

Эмигранты радовались и надеялись...

Чемберлен спешно готовил новую прожаривающую ноту, требующую изгнания из Москвы ВЦИК'а и сдачи английскому городу Баку со всеми нефтяными промыслами.

Мартын Задека.

На даче.

Городская культура на селе.

Ревизия.

Зав. рабкоопом ст. Мушкетово почти ежедневно в 4—5 час. вечера закрывает магазин и распивает с приятелями вино. Жена его всем проходящим говорит, что магазин закрыт по случаю происходящей ревизии.

„Диктатура Труда № 101“.

— Ревизнем по единой?

— Ревизнем. Только горькой не хочу больше. Об ее работе п...понятие имеем достаточное... А вот это что за зверь?

— Это хранцузское сладкое... Шато Икем прозывается...

— Плевать, что хранцузское... Проревизируем и его...

— А спотыкач еще не обследовали?

— Давай сюда спотыкач... Ревизовать, так ревизовать...

— Зубровка тоже в очереди стоит...

— В порядке... Гони зубровку... Постой, что это ты одну полбутылку тыришь? Разве я с такого малого количества могу точное представление иметь? Ревизия, это, брат, не фунт изюму...

Ревизия затянулась до полуночи...

Пиво подоспело уже к протоколу, который гласил:

„Такого-то числа, такого-то года ревизионная комиссия, в составе Завлашкой Выпивайло, ревизора Наливайло и секретаря Глотайло, обследовали лавку № 00, при чем было обнаружено следующее:

Русская горькая, вследствие 30% нагрузки, недостаточно активна, но при достаточном количестве свое действие имеет, что обнаружено на председателе комиссии, который ни с того ни с сего „отче наш“ стал на манер стихов декламировать.

Спотыкач — не заслуживает такого названия, так как после него секретарь не спотыкался, а прямо уткнулся носом в маринованные кильки, которые украсили сей необходимый для дыхания орган двумя своими

экземплярами.

Что-же касается других вин и прочих настоек, не считая пива, то они продукты первой необходимости способствуют поднятию транспорта, так как после нее спокойно едешь в Ригу, главный город Латвии.

В заключение ревизионная комиссия может констатировать тот отраднейший факт, что под столом у завлашки очень просторно для всех троих и достаточно чисто, если не считать т...жидкостей, которые непроизвольно выделяются из наших глотательных органов вследствие непомерной нагрузки ревизирующих.

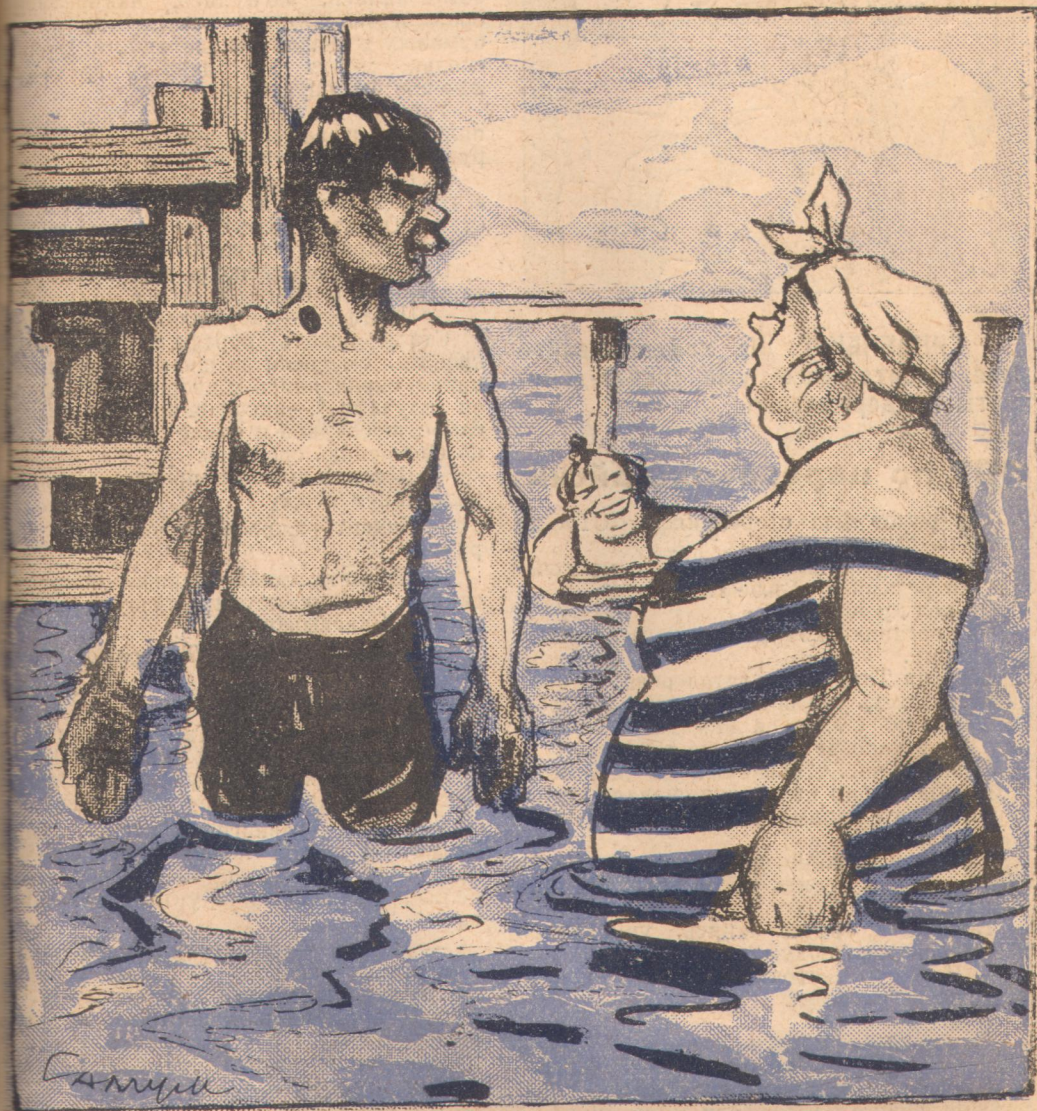
На основании изложенного постановили: ревизию продолжать вплоть до полного обследования всех изделий

ресспирта, винсиндиката и пивооб-
тинения, или до первой настоящей
визии и помещения настоящей ко-
зисии в место, где тишина и про-
лада будут способствовать избавле-

нию от головной боли, а решетка на
окнах наведет на трезвые размы-
шления“.

Паисий Грива.

Тоже уплотнение.

- Ты-бы, матушка, посторонилась, а то окунуться негде.
- И здесь, окаянные, жилплощадь устраивают. Тьфу!

ГИНДЕНБУРГ. Не поддерживайте меня, ребята, меня уже социал-демократы поддерживают.

НОТ по царевококшайски.

Тарарамов был сторонником НОТ'а до глубины души.

Он выступал на собраниях с многословными речами о пользе НОТ'а.

Он вел хронокарту.

Он органически не мог переносить опозданий.

Сегодня Тарарамов встал ровно в семь часов, потому, что по хронокарте, которую он вел и по записи в памятной книжке, ему надлежало встать ровно в восемь.

Лишний час, оторванный от сна, Тарарамов употребил на поиски сначала хронокарты, а затем памятной книжки, в которой значилось:

1 июня. Собрание чрезвычайной важности. Начало в десять часов утра. Не опаздывать.

Тарарамов прочел запись, усмехнулся и самодовольно подумал:

— Нотовец настоящий, а не липовый, никогда не опоздает.

И заторопился.

На предложение жены выпить стакан чаю и съесть хоть кусочек хлеба, Тарарамов ответил решительным отказом, справедливо полагая, что ежели жена живет не по хронокарте, то подача самовара на стол может случиться и через десять минут и через полчаса, время же дорого каждому сознательному стороннику НОТ'а. Надо спешить.

И Тарарамов заспешил.

Он не успел умыться, зашнуровать как следует ботинок и застегнуть на одежде все пуговицы.

Тарарамов жил на Москалевке, ему пришлось идти через мост, а потом подниматься в гору. Шнурки ботинок, кое-где завязанные, попадали все время под подошвы и мешали двигаться, но оставаться, чтобы поправиться, Тарарамов не мог. Тарарамов был насквозь пронизан ужасом возможного опоздания.

Но вот его ноги взаимно оборвали друг на дружку надоедливые шнурки и зашагали дальше.

Тарарамов был уже около цели своего путешествия и, чувствуя, что не опоздает, добродушно ухмылялся:

— Вот оно, что значит НОТ. Другие на моем месте вынули бы ножичек, остановились, нагнулись, аккуратненько срезали бы шнурки, завернули бы их в бумажку и пошли бы дальше, потеряв не сколько минут драгоценного времени, а конечно бы, опоздали.

Тарарамов щелкнул от удовольствия пальцами и вдруг почувствовал в правой руке какую то непривычную пустоту.

— Портфель забыл,—пронеслось у него в голове. Вечно эти бабы с чаями пристают. Обратно надо бежать. Опоздаю.

И Тарарамов помчался обратно.

Пробило восемь часов, когда Тарарамов, запыхавшись, вбежал к себе в комнату.

— Портфель,—заорал он,—скорее.

Стали искать портфель. Лазили под кровать, смотрели за шкафом и умывальником, справлялись у дворника, не взял ли он „случайно“,—наконец, жена предложила самое последнее и самое действительное по ее мнению, средство:

— Шутика нужно попросить. Завязывай полотенцем ножку.

— Зачем?—спросил опешенный Тарарамов.

— Примета такая. Завяжи покрепче и скажи: шутик, шутик, пошутит и назад отдай. Завязывай.

— Ерунда,—заявил Тарарамов,—суеверие.

— Завязывай.

— Петька,—заорал Тарарамов, придя в отчаяние,—иди сюда, паршивец. Какую ножку завязывать? Левую? Я тебе завяжу. Я тебе, мерзавец, сейчас так завяжу...

— Брось,—взвизгнула жена. Оставь Петьку. У стола ножку завязывай. Кто прибегает к этой примете, обязательно должен у стола... Чего уставился? Завязывай.

— Погоди,—пролепетал побледневший Тарарамов. Постой... У стола, говоришь? Не нужно. К черту. Предрассудки. Чая всякие придумали. Я портфель на службе в столе забыл. Где у вас голова, у идиотов, догадаться не могли, с шутиком пристаешь...

И Тарарамов побежал в город.

Пробило половина девятого, когда Тарарамов явился, высунув язык, на заседание. На лице его, кроме утомления, было разлитое удовольствие и невыразимое благодушие.

Он думал:

— Нотовец никогда не опоздает. Нотовец всегда учтет время и не растеряется, если встретятся непредвиденные помехи.

Дед Глаз.

Под гармошку, обо всем понемножку.

1.

В Прилуковской поликлинике фельдшерша поставила больному банки и продержала их на больном 2 с половиною часа.

Дело чтобы не лукавить,
Обратим изнанкою:
Чтобы этак банки ставить
Надо быть под „банкою“.

2.

В молочном подотделе Вованесенского сельско-хозяйственного кредитного товарищества подростки получают зарплату сывороткой и сколотинной.

Надо сывороткой тою
Совесь кой кому помыть
И сколотинной густою
Прямо в допр заколотить.

Ж—Т.

П Р И К А З Ы Г А В Р И Л Ы .

П Р И К А З № 46.

Есть шутники на белом свете
Особливо на Чистяковском руднике.

„Слобода Чистяково, Райкому ЛКСМУ тов. Береговому. Надсилаємо інструкцію і книжку і пропонуємо за спуск жеребців одержувати по 4 карбованця“.

Рекомендую тов. Береговому ответить автору этого отпущения так:

— Очень рад, что вам известна точная таксировка вашей работы, но я здесь не чем и ничего общего с вашей жеребчатой породой не имею.

П Р И К А З № 47.

В прошлом номере в приказе № 44 я пробрал кое-кого за что на ст. Богодухов. Последствия не замедлили сказаться.

На общем собрании рабочих и служащих ст. Богодухова было потрачено более 2-х часов времени на обсуждение приказа „Гаврилы“. Первым выступил предместкома т. Куниченко, которого затронул приказ и сказал так: — Я весь дрожу от той грязи, которую льют на нас наши рабкоры. Да и какое кому дело, что я пью, я пил и буду пить на свои кровные.

Говорю такому постоянству характера. Оно, конечно, куш и та пьет, но одно дело выпить для поднятия настроения и другое дело пить

магарыч по случаю незаконного принятия в союз человека с уголовным прошлым. Далее события разворачиваются так:

Тов. Куниченко требовал от общего собрания решительно дать опровержение на эту грязь. „Прежде,—говорит он,—была заметка, что местком от среды до среды не вкушает воды“,—а теперь приказ „Гаврило“, а там будет приказ Данило и так далее.

Против чего товарищ бужет? Сам же сознался, что пил, пьет и будет пить. А если „Гаврило“ ему не нравится,—так могу его успокоить: он Гавриле тоже не нравится.

Следующий оратор, тоже задетый в моем приказе, оправдывался так:

Я человек слабый, зашли в буфет, выпили пол стакана русской горькой и стакан воды и у меня заколебало в голове. Но это в свободное время. На то ее и продают, чтобы пить.

Люблю парня за откровенность. Безобидный, видно, парнишка. Посему оставляю его в покое и перехожу к следующему оратору.

Третий оратор тоже попавший в приказ, тов. Авдиевич, метал гром и молнию:

— „Подлец, мерзавец и хулиган высшей марки тот рабкор, который пишет такие заметки и если редакция будет печатать эти заметки в газетах, то никто их не бу-

дет читать и даже стыдно будет брать их в руки, а эти газеты будут брать клещами и выбрасывать в помойные ямы“.

Спасибо, дорогой т. Авдиевич, на добром слове. Может быть и будут по вашему. Может быть и будут брать, но не клещами, а метлой, и не газету, а вас, и конечно, выбросят... может быть в помойную яму, а может быть и в место более чистое, но зато прочное. Допром именуемое.

П Р И К А З № 48.

Веселые ребята отдыхают в Мерефяньском доме отдыха.

До 70 процентов молодежи не дают отдыхать старикам по причине непомерно шумного характера. За обедом они бросают друг в друга через стол котлетами и пюре, а потом жадуются, что кушать дают мало.

Очевидно, молодежь воображает, что она не в доме отдыха, а на физкультурных занятиях упражняется в метании диска, но, во-первых, котлета предмет мягкий и для метания не годится. Во-вторых, при метании котлеты, она может попасть в лоб и может при этом получиться звук, обнаруживающий, что под этим лбом имеется весьма большое пустое пространство.

Г А В Р И Л О .

Двойная мораль.

- Смотрите, как наши милые матросики лупят этих желторожих.
— Хе-хе... Молодцы ребята... Знай наших!..
— Постойте... Кажется, наоборот... Желторожие наших... это самое
— Неужели? Так и есть! Я всегда утверждал, что это дикие некультурные варвары.

56 328